

Диалог власти и общества в России 1682-1698 гг. в памятниках материальной культуры («столпотворение»)

История со «столпами» лежит на самой границе двух эпох – ее начало, несомненно, относится к «бунташному» XVII веку, в то время как окончание ее врезается в эпоху Петровской России. Каждый исследователь, занимающийся XVII в., считает своим долгом упомянуть о «столпах», однако до сих пор никто не провел комплексного анализа этого уникального эпизода. А ведь этот эпизод является одной из самых интересных страниц в истории российской государственности и общественных отношений. Обстоятельства, связанные со «столпом» 1682 г., изучены менее всего, по той, вероятно, причине, что судить о нем мы можем, опираясь только на письменные источники. «Столпы» (или применительно к петровским чаще можно встретить слово «столбы») 1699 г. изучены гораздо сильнее, более того они оставили непосредственные свидетельства о себе.

Слово народное

...учинились сильны и креста не целовали»...

(«Книга записная царя
Петра Алексеевича в 190 году»)

Требование об установке первого в российской истории «столпа» содержалось в тексте челобитной грамоты, поданной восставшими в мае 1682 г. стрельцами¹. Текст этой челобитной был отражен на досках этого «столпа», и основную его часть составляло подробное перечисление всех, с кем расправились стрельцы во время своего возмущения в мае-июне, с объяснением причин казни каждого. Формальным назначением «столпа» в челобитной назывался пример, который таким способом следовало показать всем «иным», дабы они, помня судьбу казненных «злолихоиметелев», «чинили правду».

К концу XVII в. слово «столп» уже обрело значение, близкое по смыслу к появившемуся в России позднее слову «обелиск» или «колонна» (более того, существовало даже такое понятие как «столбописание» - создание надписей на столбах). Обобщив данные различных архитектурных словарей, можно прийти к заключению, что рассматриваемый нами объект вполне вписывается в это определение². Н.И.Павленко, также писавший об эпизоде со «столпом», упоминает эти понятия вместе: в уточнении к слову «столп» он указывает слово «обелиск»³. Тем не менее, возможно предположить существование и других этимологических трактовок: стрельцы, обращавшиеся к власти, не были книжными людьми, а потому нельзя ждать от них абсолютной точности в терминологии. Во всех значениях слова, известных до этого, «столп» трактуется как некая опора или устой чего-то. Это может быть трактовано символически и должно соответствовать истинному назначению поставленного в Китай-городе монумента - опора общественной воли, продиктованной властью. Евангельский контекст, который в XVII столетии должен был иметь большое значение, близок этому, но более символически - «столп и утверждение истины»⁴. Кроме этого, достаточно редким было значение придорожного столба с укрепленным на нем пречистым образом. Можно предположить некую религиозную трактовку, но вместо образа в данном случае были металлические доски с текстом гражданского назначения. Некоторые столбы, позже поставленные Петром I, стояли именно на крупнейших дорогах при въезде в Москву. Правдоподобность подобной трактовки усиливает близость данного «столпа» фетишу и заклинанию, о чем писал А.М.Кантор⁵.

«Бунташный» XVII в. успел выработать определенные формы выражения народного недовольства (влияния на властные структуры и даже на самого государя. В письменной форме к царю обращались часто и по самым различным поводам. Самой известной формой письменного обращения оставались челобитные (т.е. просительные) грамоты, которые могли исходить как от группы людей, так и от частных лиц. Такие обращения подписывались, что делало имена их авторов открытыми. Важную роль играли также «изветные» и «подметные» письма⁶, из самого названия которых явствует причина того, что они нередко не подписывались или подписывались крайне размыто, так чтобы автора было невозможно обнаружить: «а имяя нам своих написати невозможно»⁷. Анонимность же позволяла выражать свои недовольства и жалобы в

крайне резкой форме, порой доходящей до прямых оскорблений и угроз: «*Растакая мать ... дай наши кабалы и отпускные! А будет не отдашь, и мы тебя, растакую мать, убьем до смерти ... в горнице тебя ножом зарежем ночью ... Ей изведе[м]!*»⁸. В числе наиболее известных и имевших наибольшую историческую значимость оказалось внезапно обнаруженное 2 сентября 1682 г. («*прилеплено объявилось письмо*») изветное письмо анонимных авторов – «*московский стрелец да два человека посацких людей*»⁹ с тяжкими обвинениями в адрес князей Хованских. Поданный извет послужил резкому ускорению развития событий, завершившихся судом и казнью над Хованскими и их сообщниками 17 сентября. Множество исследователей, среди которых Н.Г.Устрялов, М.П.Погодин, Н.Я.Аристов, называло извет «подложным» (и объективные обстоятельства восстановленные по источникам не позволяют в этом сомневаться). Но это только доказывает всю значимость, которую в это время имела такая форма выражения недовольства как подметные и изветные письма. Как мы видим, обвинения, содержащиеся в подобных письмах, всерьез принимались во внимание и могли являться инструментом политического давления.

Тем не менее «столп», установленный в 1682 г., являлся беспрецедентным явлением в этом ряду.

А.А.Матвеев и П.Н.Крекшин пишут о том, что руководили строительством подполковники Цыклер и Озеров: «*При деле около столба повелела быть подполковникам Цыклеру и Озерову*»¹⁰. С именем Ивана Елисеевича Цыклера связано дело 1697 г., когда был установлен первый «столп» Петра. Надо полагать, что между этими фактами – активным участием Цыклера в сооружении «народного» столпа 1682 г. и последовавшим через 15 лет возведением «столпа» с его же, Цыклера, отрубленной головой, существует причинно-следственная связь. Об этом писал и А.Матвеев, повествуя о подробностях дела о заговоре Цыклера. Несколько ранее он следующим образом описывал авторов «столпа»: «*...из стрелецких бывших тогда подполковников: Иван Елисейев сын Цыклер, из плохих кормовой иноземец, Иван Григорьев сын Озеров, из подлого новгородского дворянства, во всем ему, Ивану Михайловичу (Милославскому – К.О.), и вышеупомянутым сообщникам его благоугодные; особливо же тот Цыклер коварный, злокозненный человек и всякого рода хитростей на злодейства исполнен был*»¹¹.

Поскольку столп не простоял на площади и полугодом, мы имеем дело с навсегда исчезнувшим памятником. Точных сведений о его внешнем виде известно очень немного, изображений его не сохранилось (миниатюра, иллюстрирующая события 1682 г., описанные в «Житии Петра Великого» П.Н.Крекшина, была создана не ранее 1728 г. и изображает один из современных миниатюристу петровских столпов с рожнами). Основные сведения приводят летописные источники конца XVII в. Судя по описаниям, этот первый «столп» не представлял собой ничего выдающегося с архитектурной точки зрения, поскольку был изготовлен с невероятной быстротой и без детальной проработки. А.Н.Казакевич предполагает, что «столп» был деревянным, но поставленным на постамент, выполненный из бутового камня¹². В пользу этого говорит то обстоятельство, что современники указывали на сожжение досок столпа во время его разрушения, а это явно указывает на характер материала, из которого они были сделаны. К тому же изготовление досок из другого материала было крайне хлопотно и должно было занять достаточно большое количество времени – все подробности, связанные с отливкой чугунных досок для петровских «столбов», были подробно зафиксированы в документах, некоторые из которых дошли до нас и детально изучены А.Н.Казакевичем и А.В.Лаврентьевым. Понимая и сочувствуя логике Казакевича, все-таки необходимо отметить, что его вывод о характере материала досок в корне противоречат данным летописных источников – автор повести из Соловецкого собрания в числе прочих приведенных им подробностей указывает, что доски были металлическими: «*листы железные*»; текст написан «*уставным писанием со златою прописью во царском именовании*»¹³. Мазуринский летописец не уточняет из какого материала изготовлены доски: «*и на нем прибили листы большие, подписаны со все четыре стороны*»¹⁴. С.Медведев писал о медных досках: «*листы большие медные лужонье*»¹⁵. Материал досок и вообще степень представительности «столпа» является для нас крайне важной, поскольку может свидетельствовать об истинных намерениях стрельцов, занимавшихся его установкой. Так гипотеза «о деревянном столпе» позволила А.Н.Казакевичу создать впечатление, будто «столп» 1682 г. сразу возводился на малый срок и не мог сыграть той выдающей роли, какую, по мнению А.Н.Казакевича, сыграли поставленные впоследствии «столбы» петровские. Свидетельства современников, напротив позволяют судить о том, что «столп» пусть и был возведен в кратчайшие сроки, но все-таки сразу сооружался на длительную перспективу.

Верх «столпа» был «*свершен шатром*» и покрыт «*черепицей мурамленной*». Подобные шатровые завершения незадолго до этого появились на отдельных башнях московского Кремля, что могло послужить прототипом для этой задумки архитекторов. Кондратьев в своей «Седой Старине Москвы» пишет о том, что и находящееся неподалеку Лобное место также могло завершаться подобным шатром: «*XVII в. – кирпичное с деревянной решеткой, запиравшееся железным засовом, потом имело навес, или шатер, на столбах*»¹⁶. В этом случае можно было бы говорить о стремлении Цыклера и Озерова вписать возводимый «столп» в общий

архитектурный ландшафт данной части Красной площади – шатры собора Покрова на Рву, шатры близлежащих кремлевских башен и даже некое подобие шатра над Лобным местом. Однако данные иностранцев, посещавших Россию во второй половине XVII в. и с особой тщательностью описавших именно это место в столице, не оставляют сомнений, что в интересующий нас момент шатрообразного завершения над Лобным местом не существовало, иначе это, без сомнения, было бы отражено в соответствующих сочинениях.

Но основное содержание несли в себе металлические доски, вделанные в «столп» наподобие окон. Текст был написан уставным письмом и хорошо выделялся на «луженой» поверхности.

Сын погибшего в кровавых событиях 15 мая 1682 г. Артамона Матвеева Андрей в своих «Записках» пишет о том, что разрешение на возведение «столпа» исходило непосредственно от царевны Софьи: *«Столб тот указом ея царевным был позволен»*¹⁷. О личном участии Софьи кроме Матвеева, которого не без основания можно заподозрить в необъективности, пишет также и новгородский дворянин П.Н.Крекшин: *«Царевна Софья Алексеевна изволила стрельцамъ на Красной площади сделать столбъ и побиенныхъ написать вины»*¹⁸. Необходимо разобраться, в какой степени Софье и ее сторонникам была выгодна установка столпа. Эта проблема находится в тесной связи с вопросом о том, в какой степени Милославские были способны влиять на действия восставших или даже руководить ими. Работая с источниками, описывающими события, предшествующие бунту, а также относящимися непосредственно к самому периоду бунта, можно прийти к заключению, что поведение стрельцов и всех, открыто выражавших свое недовольство, не было продиктовано чьим-то сознательным умыслом. Необходимо отметить стихийность и естественность хода развития событий. Недовольство в среде стрелецких войск, а также среди посадского населения начало нарастать задолго до самого бунта, когда у власти находился еще царь Федор Алексеевич. Мемуары гамбургского купца в Москве Генриха Бутенанта начинаются словами: *«Эта кровавая трагедия произошла большей частью вследствие неудовольствия, заявлявшегося часто стрельцами, на великую тягость и обременение их работой, от которой не освобождались они по воскресеньям и по праздникам, и которую они должны были нести для своих полковников, понуждаемые побоями»*¹⁹. Жалобы на начальствующих в полках начались еще в начале года – в феврале в присвоении своего жалования стрельцы обвинили Богдана Пыжова, однако челобитчики понесли наказание, поскольку Пыжов воспользовался покровительством Языкова²⁰. 23 апреля от стрельцов поступила челобитная на полковника Семена Грибоедова²¹. Жалоба грозила расправой стрелецкому выборному, передавшему прошение окольному П.П.Языкову, – его грозились наказать кнутом за его *«буйство»*. Однако товарищи стрельца освободили его прежде, чем приговор был приведен в исполнение. Бутенант описывает сильное волнение среди стрельцов всех полков, которые *«соединились тогда между собою и решились искать на них (своих обидчиков – К.О.) суда, иначе переломать им шеи»*²². Такова была ситуация, когда 27 апреля скончался государь Федор Алексеевич. Как мы видим, почва для майского стрелецкого бунта созрела еще до начала династического кризиса, и возмущение неизбежно случилось бы, даже если государь остался бы жив. Но отсутствие централизованной власти позволило позднее стрельцам всерьез заявить о себе и фактически взять управление страной в свои руки. 1 и 2 мая в ответе на челобитную от стрельцов 12 полков с требованиями арестовать их полковников и взыскать с них убытки, поданую уже 29 апреля, правительство постановляет подвергнуть офицеров телесным наказаниям и заставить их выплатить стрельцам положенные им деньги. В этом шаге явно ощущается стремление высшей власти не ссориться со стрельцами и не обострять и без того непростую ситуацию, сложившуюся в Москве.

Тем не менее, было бы неправильно целиком отрицать участие политических верхов в событиях майского бунта. Отдельные сведения, дошедшие до нас заставляют согласиться с точкой зрения А.П.Станевича, утверждавшего, что нельзя отрицать участие Софьи «в возбуждении восстания, но также неверно оценивать все восстание, как только дело рук одной правительницы»²³. Участием Софьи можно объяснить то обстоятельство, что в определенный момент борьба стрельцов и горожан с их личными обидчиками вылилась в кровавую бойню представителей аристократии, сторонников Нарышкиных. Английский исследователь Линдси Хьюз совершенно верно отмечает, что сторонники Милославских были вынуждены лавировать в потоке бунта, стремясь извлечь для себя наибольшую выгоду²⁴. Восстание началось 15 мая с распространения слухов о том, что умерщвлен царевич Иван. Почти единодушно авторы приписывают это распространение самой Софье: *«Софья распустила по городу слух, приказав своим прислужникам кричать по улицам, что Иван Нарышкин убил царевича Ивана, задушив его»*²⁵. А.А.Матвеев писал, что таковыми «прислужниками» стали Александр Милославский и Петр Толстой²⁶. На политическую авансцену сама царевна вышла только 17 мая в связи с выдачей стрельцам Ивана Нарышкина, т.е. тогда, когда основные события и расправы были окончены, однако это отнюдь указывает на то, что до этого момента она не интересовалась политической ситуацией в государстве и не стремилась на нее влиять. Ее

поведение на похоронах царя Федора уже было политическим актом – призывом, обращенным к собравшимся простым людям. Софья кричала, что ее брат был отравлен, и недвусмысленно намекнула на то, кто был отравителем.

Официальные разрядные записи сохранили свидетельство о том, что стрельцы пришли в Кремль с заранее подготовленным списком «изменников», в котором значилось, по одним сведениям, 20, а по другим, около 40 имен должностных и начальственных лиц. По данным Матвеева, предварительный список был подготовлен при деятельном участии Ивана Милославского: *«у него, Милославского, в доме с его вышепоказанными собеседниками и сообщниками бывшем, и по тайным сношениям их в полках стрелецких с выборными людьми написаны от него же ... росписи боярам и прочим знатным людям, которые самые надежные и крепкие при стороне царской были тогда, кого в бунте из них побить»*²⁷. Учитывая ту ненависть, которую Андрей Матвеев испытывал ко всем Милославским, можно усомниться в достоверности этих сведений, однако впоследствии мы убедимся, что и государь Петр испытывал к Ивану Милославскому столь же глубокую ненависть и с крайней жестокостью обошелся с его останками.

Некоторых из включенных в предварительный список убить не удалось, но к кровавому списку в ходе бунта добавилось еще множество имен. Поэтому текст досок столпа, где перечислялись имена всех побитых, был значительно шире предварительного списка. Текст досок не имел конкретно направленного политического смысла – это явствует из стрелецкой челобитной. Здесь не отмечается разделение на политические группировки, а сам столп являет предупреждение всем вообще начальственным лицам, которые осмелятся отныне чинить обиды – здесь не имеют значения политические симпатии. Доказательством же того, что столп был возведен стрельцами самостоятельно и без прямого указания со стороны отдельных политических деятелей, связанных с Софьей, служит тот факт, что уже в октябре 1682 г. действующее правительство, управляемое самой Софьей, положительно откликнулось на призывы отдельных повинившихся стрельцов разрушить столп и сжечь доски с текстом.

Текст челобитной грамоты, поданной стрельцами 6 июля, как бы подводит итог майским событиям, в том числе там объясняются причины казни и расправ для каждого «злолихоиметеля». С одной стороны, это как нельзя лучше свидетельствует о причинах всех стрелецких возмущений 1682 г., а с другой, это входит в исторический анализ текста досок изучаемого нами столпа (В.И.Буганов сообщает, хотя не указывает источника, что на досках был выбит текст именно июльской жалованной грамоты, в точности отражавшей содержание поданной в тот же день стрелецкой челобитной). Ни один из свидетелей не оставил таких подробных сведений, однако нет оснований возражать против того, что тексты досок были очень близки текстам челобитных грамот.

На первом месте в числе обвинений стоят притеснения, обиды и злые слова в отношении самих восставших стрельцов (руководитель Стрелецкого приказа князь Ю.А.Долгорукий, стрелецкие полковники А.Дохтуров, С.Янов, полуполковник Г.Горюшкин и другие). Далее следуют преступления против царя и царской власти, покушения и даже убийства членов царской фамилии и попытки сделаться царем (прежде всего речь идет об Иване и Афанасии Нарышкиных и Артамоне Матвееве, некоторых убивали за то, что они держали в доме сушеных рыб, якобы, для отравления членов царского дома, также были убиты иностранные лекари Даниил фон Гаден и Иоганн Гутмент). И, наконец, многих казнили за административные преступления в отношении всего городского населения – «великие налоги» и «взятки великие», плохое или «изменное» ведение дел в ведомствах, например, в военном ведомстве (думный дьяк А.С.Кириллов и другие). «Обвинения в адрес убитых правителей ... в целом верно и точно отразили народное недовольство, особенно служилых людей – стрельцов и солдат, режимом угнетения, притеснений, характерными для правления царя Федора»²⁸. Однако совершенно отчетливо прослеживается грань между обвинениями, связанными с личными антипатиями восставших, и политическими обвинениями, которые были навеяны различными слухами и игрой на необразованности и традиционном народном суеверии. Таким образом, нельзя целиком оставлять идею о том, что во многом майское побоище могло быть спровоцировано отдельными политическими деятелями.

Остановимся на том, что, несмотря на деятельное, пусть и не всегда явное, участие Милославских и Софьи в событиях бунта (разрешение вопросов, связанных с этим, является темой отдельных исследований), разрешение на возведение интересующего нас «столпа» было отдано царевной с целью приостановить ожесточенное выступление, дальнейшее продолжение которого не служило на пользу политическим интересам как ее самой, так и ее сторонников. Этим интересам установка подобного «столпа» никак не отвечала.

Капитулировавшие осенью 1682 г. стрельцы из полка Ермолова пытались переложить вину за «неправое челобитье» на некую радикально настроенную группу стрельцов, связанную с религиозным расколом. Движение раскольников вообще сыграло чрезвычайно важную роль в российской истории во

второй половине XVII в. Это движение во многом являлось организующей силой во многих городских возмущениях и гилях, в том числе и в 1682 г. Движение раскольников, как отмечает А.Н.Штраух, широко распространилось по московскому посаду, но, прежде всего, его участниками сделались стрельцы и чернослободцы, а высшие разряды городского населения, например, гости не были его активными участниками (напомним, что представителей «гостей» и «гостиной сотни» среди прочих подписали челобитную от 6 июля). Однако в эпизоде со «столпом» переоценивать их значение не стоит. Необходимо детально разобраться, с чем могли быть связаны подобные сведения стрельцов, данные ими осенью 1682 г.

Большое количество стрельцов были связаны с движением раскольников. Нестабильность центральной власти, еще со времен царя Михаила Федоровича ставшей опорой официальной православной церкви, весной-летом 1682 г. побуждало лидеров движения религиозного раскола к активным действиям.

Эти действия вписались в общую картину бунта – как нам известно, они сводились к организации большого собора все на том же Лобном месте, где непременно должен был присутствовать сам государь и представители официального никонианского православия. Нет смысла отрицать активность раскольников в 1682 г., но есть смысл отрицать их участие в возведении «столпа» в Китай-городе, а это заставляет нас усомниться в словах стрельцов. Как мы помним, в челобитной они писали о некоторой раскольничьей группе стрельцов, которой руководил Алешка Юдин или Иудин. Действительно, некий Алексей Юдин занимал важное место в раскольничьем движении и на соборе должен был выступать перед патриархом в качестве выборного Воробина приказа. В свою очередь от Юдина связь тянется к князьям Хованским, связь которых с движением раскола не вызывает сомнений: *«И противу того злоумышленного челобитья воров и раскольщиков Алешки Юдина товарищи и по приговору князь Ивана Хованского и сына [ево] князь Андрея на той Красной площади столп зделан»*²⁹. В.И.Буганов не без основания сомневался в достоверности этих сведений, поскольку к этому времени опальный глава Стрелецкого приказа и все, обвиненные по делу, были казнены, а значит приписать им можно было все, что угодно.

Попытка обнаружить аргументы в пользу той или иной позиции непосредственно в тексте челобитной не увенчались успехом, хотя здесь присутствует несколько выражений, косвенно относящихся к религиозным проблемам. Основная часть этого документа начинается так: *«в нынешнем ... году ... изволением всемогущаго бога и его богоматери и пречистыя // девы...»*; далее в тексте мы находим: *«и складываем свои головы на ваших государских [службах] за дом пресвятыя богородицы и за вас, в.г., и за всю православную христианскую веру кровь свою проливаем...»*. Казалось бы, такие выражения должны были точно указать на то, были ли авторы челобитной раскольниками или же нет, однако ничего определенного мы сказать не можем. Подобные же выражения мы неоднократно встречаем и в сочинениях раскольников, и в сочинениях официальных православных деятелей того времени. Например, такую фразу мы читаем в сочинении одного из предводителей раскольников Саввы Романова: *«дума и совет заедино, что в царсвиующем граде Москве старую православную веру возобновити»*³⁰. Поэтому данные выражения, как и весь текст челобитной, непоказательны. В челобитной совсем не упомянуты князья Хованские, более того, вообще не заходит речи о каких бы то ни было религиозных проблемах и требованиях, чего вполне логично было бы ожидать от представителей раскола (соответственно и на досках «столпа» не было никаких религиозных прокламаций – вряд ли бы раскольники упустили такую выгодную возможность заявить о себе). А требования и угрозы, выдвинутые тем, для кого предназначается «столп», вполне соответствуют интересам всех горожан, а не только стрельцов или, скажем, раскольников. Автор повести из Соловецкого собрания, говоря об Иване Хованском, пишет: *«даде им (стрельцам – К.О.) во все полки от царска лица жалованные грамоты на александрийских листах за царственными красными печатями»*³¹. Но здесь не уточняется, какую роль Хованский сыграл в написании и подаче той самой челобитной, в которой было требование о выдаче таких грамот – было ли это именно его умыслом и инициативой. Поэтому эти сведения не могут служить подтверждением показаний стрельцов.

Мазуринский летописец четко и неоднократно указывает, что *«столп... зделали стрельцы всеми приказами»*³². Это как нельзя лучше показывает, что инициатива возведения «столпа» исходила от широкой массы стрельцов и в их интересах, а не локальной замкнутой группой. Дальнейшее же рассмотрение вопросов о связи стрельцов с религиозным расколом может стать предметом отдельного исследования.

Появление столь необычной для России формы публичного выражения народного возмущения вызывает большой интерес и, без сомнения, является апогеем демократических устремлений горожан в XVII в. Примера более смелого поведения и более решительных действий горожан мы не найдем до этого в истории Москвы. И «столп», пусть и ненадолго, но сделался символом свободной воли горожан, которую формально можно было выдать даже за волю государя: *«А подписали, будто все то делалася по указу великих государей, как бояр рубили и за что, и иныя подписаны были всякия многия разныя статьи против их воли,*

как *впредь чему быти*»³³. А.М.Кантор считает «столп» 1682 г. одной из реальных гарантий тех прав, которые завоевали демократические слои города³⁴.

Вполне допустимо говорить о воле горожан вообще, хотя формально действующей силой бунта 1682 г. были московские стрельцы. Стрельцы являлись частью городского демоса, поскольку проживали в городе и вели свое собственное хозяйство. Более того, они относились в известной степени к городской элите. Участвуя в бунте в 1682 г., они выражали не только свою собственную волю, но и волю многих слоев городского населения - в каждом из документов они очень подробно перечисляли все группы городского населения, от имени которых эти документы составлены. В.И.Буганов в своих исследованиях большое внимание уделял проблеме участия различных слоев городского населения в восстании 1682 г. и приходил к заключению, что такое участие было широким - стрельцы получили серьезную поддержку. Сделать такой вывод позволяют многочисленные данные – среди них наиболее показательными являются свидетельства дьячка Аверкия, который пишет, что помимо стрельцов и солдат *«московские люди черных слобод и всяких чинов на Красную площадь сходились с ослопьем и з дрекольем многое множество»*. Кроме того, говоря о расправах над изменниками, Аверкий пишет, что *«их в народе казнили»,* головы им секли и *«всему народу оказывали»*³⁵. В.И.Буганов пишет, что *«общий нажим абсолютистского государства (налоговый гнет, тяготы военных времен, притеснения центральной и местной приказной и воеводческой администрации) самым непосредственным образом коснулись посадских людей. Их общесословные требования вливались в общее дело требований народных низов»*³⁶.

На этом фоне абсолютно несостоятельной выглядит гипотеза, поддержанная Н.И.Павленко, о том, что стрельцы, якобы, сами вписали в челобитную все остальные чины кроме военных, поскольку желали придать поданному документу «большой вес». Однако впоследствии сам Н.И.Павленко, говоря о стрельцах, пишет, что *«перечить им было опасно»*. Задумывались ли стрельцы, фактически, державшие ситуацию в стране в своих руках, о таких тонкостях? К тому же есть смысл разобраться с тем, каким образом оказались в челобитной подписи представителей различных городских районов. Скорее всего, написание челобитной и ее подписание носили чисто стихийный характер – оказавшийся неподалеку человек, сочувствующий взглядам и действиям стрельцов, мог выступить от имени всей слободы или социальной группы. В пользу этого говорит и широкий социальный разброс подписавших этот документ – от самых богатых и значимых, таких как «гости», до черных слобод и ямщиков. И, как было уже сказано в начале, важное место среди обвинений «изменникам» занимали преступления против всего простого люда, такие как непомерное повышение налогов, взятки и т.д.

Более того, «столп» с именами уже побитых являл собой и угрозу, демонстрацию силы для всех, кто осмелится впредь чинить обиды горожанам - будь то полковники, притеснявшие рядовых стрельцов, или должностные лица, чинившие взятки и поборы с населения. Надо сказать, что подобный эффект, производимый «столпом», значительно усиливали разбросанные вокруг него трупы - *«и она красная площадь исполнена была мертвых посеченных телес, и лежаху не малые дни»*³⁷.

Об особом символическом значении, которое стрельцы вкладывали во вновь поставленный «столп», говорит описываемая А.А.Матвеевым история о казни полковника Стефана Янова. Приведенный из Малороссии полковник, несправедливо, по мнению Матвеева, обвиненный в злоупотреблениях и побоях, был казнен 14 июня на Красной площади после пыток в константиновском застенке, а труп его вместе с отрубленной головой был положен рядом со «столпом»³⁸, чтобы показать, что данная казнь находится в контексте прежних расправ. Т.е. «столп» стал символическим воплощением «справедливого» наказания.

Место для будущего «столпа» было выбрано с тонким расчетом - находясь на одной из центральных площадей города, «столп» попал в компанию с Лобным местом, собором Покрова на Рву и Спасской башней, которые являлись важнейшими символами государственности. Таким образом, «столп» должен был внести особый резонанс в символическое восприятие этой архитектурной группы, что еще раз показало, как на волне успешного для восставших развития событий, они ощутили себя, чуть ли, не равными государю и способными открыто диктовать ему свою волю.

В сознании современников – как русских людей, так и иностранцев, перечисленные памятники воспринимались в единстве. Иностранцы, прибывавшие в Москву, описывали эту площадку, образовавшуюся между собором Покрова, неизменно называемого ими Иерусалимом или Троицей, Лобным местом и Спасской башней Кремля, с большим количеством подробностей.

Так, например, Михаил Обухович, литовский военнопленный, описывает церемонию, связанную с празднованием Вербного воскресенья и проходившую в 1660 г. *«Сначала он (царь) шел прямо к церкви святой Троицы ... Эта церковь стоит около ворот и театра»*³⁹ (курсив мой – К.О.).

Вообще описываемое место издавна служило местом проведения публичных церковных церемоний и иностранцы часто описывают подобные происшествия с большой подробностью.

Лобное место в событиях 1682 года играло самое важное значение. Восставшие стремились все расправы над «изменниками» осуществлять непосредственно на Лобном месте (здесь в это время погибли боярин И.К.Нарышкин, думный дьяк Аверкей Степанов, И.М.Языков, иноземные лекари и многие другие), а если сделать это по причине буйной ненависти стрельцов, толкающей к немедленной расправе, не удавалось, то трупы всех убитых в стенах Кремля волочили (через Спасскую башню, откуда по обычаю осуществлялся выход государь) и складывали именно в районе Лобного места: *«А ково в городе Кремле рубили, всех волочили к Лобному месту на площадь»*. Чем же было Лобное место в глазах современников, если сыграло в этот критический момент такую важную роль? Необходимо отметить, что никогда Лобное место не использовалось как место казни – расправы над преступниками производились на противоположной стороне реки Москвы в болотистой местности. Исключение было сделано только для Степана Разина. Напротив, в описаниях иностранцев Лобное место предстает как место проведения церковных церемоний с присутствием царя и патриарха. Особое внимание уделялось церемонии в Вербное воскресенье. Перед Лобным местом существовал еще один помост, на котором стояли две громадные по размерам пушки – этот помост также играл важное место в церемониях: *«Перед царским дворцом ... простирается четырехугольная площадь, на которой стоят несколько пушек необыкновенной величины, поставленные на кирпичных подмостках, близ коих находится храм – Святой Иерусалим, изящнейшей постройки»* - такое описание предлагает Якоб Рейтенфельс, побывавший в Москве в 1670-73 гг.⁴⁰. О пушках пишет также Адам Олеарий, оставивший в своем сочинении ценные изображения: *«Пред Кремлем, на площади с правой стороны, находится огороженное место вроде круглого помоста, на котором стоят два очень больших металлических орудия; один из них в диаметре локоть. Когда они теперь в процессии (1 октября – К.О.) подошли к этому помосту, великий князь с патриархом одни взошли на помост»*⁴¹. Находившийся в Москве несколько позднее (1678-1682 гг.) чешский путешественник Бернгард Таннер уже не упоминает о пушках: *«За этим зданием (собор Покрова – К.О.) виднеется возвышение вроде довольно большой кафедры, кругом обнесенное решеткою, шесть ступеней в вышину, устланное полом из белого мрамора, откуда патриарх их может удобно давать благословение всему народу, что бывает ежегодно, там же объявляются всему народу и ... распоряжения»*⁴². В описаниях иностранцев очень сложно бывает отличить Лобное место от помоста с пушками.

Из этих и некоторых других свидетельств можно сделать вывод об особом характере описываемого места, особом значении и святости, вплоть до ассоциации с Иерусалимом. И выбор стрельцами именно этого места для казней и демонстрации силы говорил об особом символическом значении того действия, которое в результате здесь развернулось, и символа этого действия – каменного «столпа». Таким способом стрельцы стремились придать расправам оттенок публичности и справедливости, а также найти оправдание своим кровавым действиям в глазах посадского люда. Не считая свои действия противозаконными, в июньской челобитной стрельцы требовали, чтобы *«на Москве и в городех»* их *«московских приказов стрельцов... весь ваш государьский синклит... бунтовщиками не называли б»*, это условие, а также признание действий стрельцов актами верной службы государю они просили закрепить в жалованной грамоте, которая была им вскоре выдана. Эти же условия были прописаны и на досках «столпа».

Поставленный на столь важном месте, «столп», в котором «наслоилось» столько символических и функциональных значений, без сомнения, привлекал широкое внимание всех собиравшихся здесь горожан и иностранцев, поскольку, как уже было сказано, представлял совершенно беспрецедентное для Москвы зрелище. Об этом свидетельствуют и мотивации стрельцов, просивших через несколько месяцев разрушить свое собственное творение: *«и ту-де надпись чтут... иноземцы и всяких чинов люди»*. Это говорит о том, что новая форма «монументальной пропаганды» (этот термин впервые употреблен в этом контексте А.Н.Казакевичем) имела большой успех, и Петр I впоследствии значительно развил ее.

«Слово и дело государево»⁴³

*...«И тако до конца века тот злой и Богу противный
род и чин их стрелецкий исчез»...*
(Матвеев А.А., «Записки»)

Между «народным столпом» 1682 г. и первым «столбом», создание которого было инициировано волей Петра I, существует промежуток в 15 лет, однако ряд обстоятельств указывает на то, что их рассмотрение необходимо осуществлять в одном контексте, который мы вслед за А.В.Лаврентьевым обозначили как «столпотворение».

Незадолго до отъезда Петра I в «Великое посольство», а именно 23 февраля 1697 г. стало известно о существовании нового стрелецкого заговора (все исторические подробности этого дела были суммированы еще С.М.Соловьевым). В этот день дядя царя, «боярин Лев Кириллович Нарышкин прислал к Петру в Преображенское стремянного полка Конищева пятидесятника Лариона Елизарьева». Этот человек сразу указал на организатора – им был уже упомянутый нами выше «кормовой иноземец» Иван Елисеевич Цыклер. В намерения Цыклера входило убийство царя, для чего предлагались различные способы. На допросах от Цыклера по цепочке был выявлен весь состав участников заговора – всего по этому делу было казнено шестеро человек. Н.И.Павленко замечательно отметил те группы, к которым относились участники заговора – два пятидесятника Стремянного стрелецкого полка Силин и Филиппов; окольный, брат известной боярыни Федосьи Морозовой, также старообрядец Алексей Соковнин⁴⁴. Среди участников – стрельцы и старообрядцы – такой состав должен был напомнить Петру события 1682 г., еще больше подогреть его жажду к мщению. И отомстил он не просто банальной расправой. Здесь не лишним будет вспомнить о личности главы заговора – Ивана Цыклера.

Павленко указывает, что Цыклер принимал активное участие в событиях бунта 1682 г. на стороне Софьи и Милославских, но все-таки он не мог играть какой-либо значимой роли в этих событиях, оставаясь скромным подполковником одного из полков. Чем же можно объяснить такое отношение к нему, скажем, А.Матвеева, который рисует его портрет черными красками (см. ссылку №...)? Необходимо отметить всю важность уже неоднократно цитируемого источника – «Записок» Андрея Матвеева. Их автор Андрей Артамонович Матвеев в 1682 г. потерял отца, зверски убитого 15 мая, царь Петр в это же время потерял многих своих родственников и приближенных, которых стрельцы резали и бросали на копья прямо на его глазах. Впоследствии А.Матвеев стал горячим приверженцем Петра и посвятил себя дипломатической службе (в 1699-1712 гг. – посол в Голландии). Уже говорилось о возможной субъективности в его оценках и освещении событий по вполне понятным причинам, однако есть основание полагать, что такие же «перекося» неизменно присутствовали и в сознании царя Петра, поскольку они испытали один эмоциональный шок и имели одинаковых врагов. Таким образом, мы получаем возможность взглянуть на события бунта 1682 г. со стороны пострадавших, т.е. Петра. По этой причине оценки, которые Матвеев дает Цыклеру и другим фигурам, необходимо прежде других принимать во внимание.

На допросах Цыклер показал следующее: *«Научал я государя убить за то, что называл он меня бунтовщиком и собеседником Ивана Милославского и что меня никогда он в доме не посетил»*. Петр, действительно, как описывают современники, обращался со всеми приближенными запросто и ко всем ездил в гости, но неизменно объезжал дом Цыклера, а это может свидетельствовать о стойкой личной неприязни. С.М.Соловьев писал о том, что «Петр не сблизился с людьми, которые принимали участие в событиях 1682 г.». Цыклер одним из первых прибыл к Петру в Троице-Сергиеву Лавру в 1689 г., когда речь шла о государственном перевороте, и власть Петра находилась под угрозой. Но эта услуга не смогла искупить тех вин, которые лежали на нем. И одной из главных, по всей вероятности, было его участие в возведении «столпа», пусть и простоявшего всего несколько месяцев, но имевшего успех в качестве формы монументальной пропаганды даже среди иностранцев. Нет оснований утверждать что сам Петр за те короткие несколько месяцев, которые в Китай-городе простоял стрелецкий «столп», успел ознакомиться с ним, а тем более запомнить имена его архитекторов. Но об этом ему всегда могли напомнить его приближенные и сторонники, которые в 1682 г. в отличие от Петра находились в сознательном возрасте.

Петр отомстил за это Цыклеру со свойственным ему жестоким остроумием – ровно на том же самом месте, где у Лобного места когда-то стоял «столп» с именами родственников и приближенных Петра, теперь был возведен «столб» с укрепленной на нем головой Цыклера: *«И на Красной площади, по указу В.Г., зачали строить столб каменный»*⁴⁵. Петр учел даже некоторые неточности в работе Цыклера и Озерова – если тогда трупы «изменников» раскидывали по всей площадке вокруг «столпа», а головы клали рядом, то теперь, благодаря особой конструкции, головы казненных стали как бы входить в общую композицию «столба», являясь его неотъемлемой частью: *«и на том столбу пять рожнов железных вделаны в камень»*. В отличие от последующих этот «столб» еще сохранял свою функцию памятного знака о конкретных исторических событиях. Доказательством связи этого «столпа» с личностью Цыклера служит тот факт, что, когда в 1699 г. после массовых казней стрельцов встал вопрос о монументальном символе могущества и незыблемости власти Петра, «столб» 1697 г. не принял на себя эти функции (хотя осуществит это можно было простой заменой голов на рожнах) – менять головы не стали, а рядом возвели новый «столб» с новыми досками и рожнами. Прежний «столб» в течение 30 лет простоял с головами Цыклера и его сообщников и погиб также вместе с ними, причем современники знали имена тех, чьи головы оставались на рожнах: *«и на тех столбах торчали головы: на первом Цыклера и Алексея Соковнина и прочих, пять голов»*⁴⁶. На соседнем «столбе» головы менялись – тот же Кашин указывает, что после завершения дела царевича Алексея на «столбе»

появились головы казненных: «на втором – Кикина, архиепископа Игнатия Ростовского, духовника и прочих же, пять голов».

Эти обстоятельства указывают на тесную связь «столпа» 1682 г. и «столба» 1697 г. Их нельзя приписать «злой иронии судьбы», о которой пишет А.В.Лаврентьев⁴⁷. Этот «столб» как никакой другой несет оттенок личной неприязни и личной мести. Скорее всего, его появление связано не столько с желанием пропагандировать силу и суровость абстрактной государственной власти (эту цель были призваны выполнять более поздние «столбы» и некоторые другие формы пропаганды), сколько с вымещением личной ненависти к конкретным людям. Как и в 1682 г. «столб» был возведен в спешном порядке и наспех – всего лишь неделю продолжалось строительство. Завершение строительства было приурочено к казни Цыклера и его товарищей по заговору: «И марта в 4 день тот столб каменный доделан ... и того числа казнены ведомые воры и изменники, которые умышляли на Государское здравие, в Преображенском». Но в вымещении своей жажды мести Петр не ограничился возведением монументального знака в виде «столба». Петр узнал о некоторых связях Цыклера с Иваном Милославским, а это, по его мнению, еще раз подтвердило все вины покойного к тому времени Ивана Михайловича. Однако смерть боярина, случившаяся за несколько лет до этого, не могла помешать жестоким замыслам государя: он повелел вырыть тело боярина и доставить его в Преображенское на свиньях. Гроб был установлен таким образом, что кровь казнимых лилась внутрь. Вместе со «столпом» эта показательная акция стала одним из элементов грандиозного спектакля мести, организованного Петром.

От 11 в общей сложности «столпов», поставленных после захоронения стрельцов, казненных по делу 1698 г., также как и от «столпа» 1682 г. не сохранилось почти ничего. Однако в собраниях ГИМ (филиал в Новодевичьем монастыре) имеются две чугунные доски, которые являются копиями досок с двух разных «столпов» петровского времени. Возможно, что это явилось причиной того, что им исследователи придают такое большое значение. Подробное изучение этих материалов произвел А.В.Лаврентьев. Однако выяснение судьбы конкретных досок не входит в рассматриваемую нами тему.

Однако важно показать, что эти «столпы», пусть и поставленные почти через 20 лет, все-таки имели отношение к мести за 1682 г. Анализируя текст второй доски, А.В.Лаврентьев указывает раскрытые титла и арабские цифры, которые совсем недавно были введены в оборот в России, а значит и не могли появиться на досках «столпа» 1682 г. Однако весьма показательным является начертание некоторых букв – «под архаику», говорящее о *сознательной* ориентации на письмо более ранней эпохи. А образцы такого письма неизбежно присутствовали на досках «столпа» 1682 г. Не было ли это воспоминанием о том давно ушедшем «столпе», который поставили казнимые теперь стрельцы? Как и в 1682 г. местом казни была избрана площадка перед собором Покрова: «Обширнейшая площадь в городе перед церковью Святой Троицы (самой большой в Москве) назначена была государем служить местом казни»⁴⁸.

Косвенным доказательством взаимосвязи между «столпами» служит тот факт, что на иллюстрации к «Житию Петра Великого» П.Н.Крекшина в рассказе, посвященном событиям 1682 г., приводится изображение одного из петровских «столпов» с пятью рожнами. Таким образом, даже в представлениях людей, далеких от власти (а к таковым, без сомнения, принадлежал миниатюрист, оформлявший в 1740-х гг. список этой рукописи), «столп» 1682 г. и «столбы» петровские воспринимались в едином историческом контексте.

«Столпы», поставленные на могилах казненных стрельцов можно было бы назвать надмогильными, но, с другой стороны, текст, нанесенный на их доски, указывал на их гражданское назначение. Кроме этого на Красной площади вплоть до 1728 г. простояло два «столпа», которые с уверенностью можно назвать именно «гражданскими монументами». К тому же монолитность новых «столпов», по мнению А.Н.Казакевича, указывает на то, что ставились они «на десятилетия». Поставленные на Красной площади «столпы» не были приурочены, как выяснилось, к конкретному стрелецкому заговору. Воспоминания современников повествуют о том, что головы казненных за причастность к делу царевича Алексея (1709 г.) также были укреплены на рожнах того «столпа», который был поставлен в 1699 г.: «и на тех столпах торчали головы: на первом Цыклера и Алексея Соковнина и прочих, пять голов, на втором - Кикина, архиепископа Игнатия Ростовского, духовника и прочих же, пять голов». Т.е. «столп» со временем стал просто абстрактным символом устрашения, не несущим элементов личного мщения. Он потерял свои функции знака памяти о конкретных событиях. Любопытно отметить, что на рожнах «столпа» всегда находились головы преступников одного рода – противников петровских преобразований и сторонников старины.

Петр поставил сооружение «столпов» и необходимых для их изготовления материалов (чугунных досок) «на конвейер», поручив отливку своему дяде Льву Кирилловичу Нарышкину на его заводах. Возможной причиной такого распространения «столпов», может быть, является то, что Петр побывал во

многих европейских странах, гдеobelisks, имевшие много общего с недавно возникшими в России «столпами», уже получили широкое распространение, более того играли роль доминант в архитектурных ансамблях. Поэтому такой ход Петра может восприниматься и как стремление соответствовать европейскому уровню, однако одна чисто российская особенность осталась неизменной - рожна с головами казненных присутствовали везде. Иobelisks действительно получили широкое распространение в России начиная с XVIII в.

Сооружение «столпов» не стало обособленным единичным актом, направленным против стрельцких измен и бунтов, напротив, оно, как и в 1697 г., стало одним из элементов игры символов и слов. Испытывая глубокую ненависть ко всему, что напоминало о событиях детства, Петр пожелал окончательно уничтожить «семя Ивана Михайловича», ликвидировав все стрельцкие полки. Эти настроения очень отчетливо передает все тот же Андрей Матвеев: *«что бы же злом впредь еще из жала своего с горьшим вновь ядом не отродилися на неукротимую всем пагубу ... И тако до конца века тот злой и Богу противный род и чин их стрельцкий исчез»*⁴⁹. К середине царствования Петра полки были ликвидированы, но Петр не удовлетворился этим: придавая огромное значение различным знакам и словам, он пожелал стереть даже само слово «стрелец» и начал с переименования стрельцких слобод. Иоганн Корб, описывающий одну из таких слобод: *«южная же часть Москвы зовется Стрелецкой слободой, потому что в ней жили стрельцы, или телохранители великого князя, но после недавнего мятежа все стрельцкие дома совершенно разрушены и опрокинуты; самое имя стрельцов царь желает предать вечному забвению, затем, по моему мнению, и эта часть получит другое название и назначение»*⁵⁰. Входивший в ближайшее окружение государя секретарь посольства Иоганн Корб наверняка располагал точными сведениями о намерениях Петра.

Т.о. мы видим, что в своем «ответе» власть в лице государя Петра I далеко превзошла общество, пусть представленное одной из его частей, даже численно - на одно, хотя и весьма решительное и дерзкое, «слово» она ответила целым «предложением». Это в канун Петровских преобразований показало наступление нового этапа в истории российской государственности. И этот исторический эпизод со «столпами» явился предвестником заката «бунташного» века и установления в России абсолютизма. Все демократические устремления посадских людей были жестоко пресечены, и это нашло свое воплощение в памятниках материальной культуры.

- ¹ ААЭ. – Т. IV, № 255. – С. 358-359
- ² «Обелиск (греч.) – граненый, суженный сверху каменный столб с заостренной пирамидальной верхушкой» (Баторевич Н.И., Кожицева Т.Д. Архитектурный словарь. – СПб.: Стройиздат, 2001); «Вертикальный монумент в виде очень узкой пирамиды (обычно четырехгранной)» (Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий – М.: Искусство, 1995)
- ³ Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1994. – С. 12
- ⁴ 1-е послание Тимофею, гл. 3, ст. 15
- ⁵ Кантор А.М. Слово в русской культурной традиции (краткие заметки) // Мировосприятие и самосознание русского общества. – Вып. 3 (Российская ментальность: методы и проблемы изучения). – М.: Институт российской истории РАН, 1999. – С. 127
- ⁶ Названия происходят от следующих понятий: извъѣтъ – наговор, обман; подьметь – подбрасывание ложного поличного (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. – Т. 1-2. – М.: Знак, 2003)
- ⁷ Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М.: Наука, 1976. – С. 111
- ⁸ Подметное письмо холопа А.С.Степанова с требованием к думному дворянину С.Ф.Толочанову отдать «кабалы и отпускные» // Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М.: Наука, 1976. – С. 24
- ⁹ Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М.: Наука, 1976. – С. 110
- ¹⁰ Матвеев А.А. Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи / Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 39
- ¹¹ Матвеев А.А. Описание. – С. 370
- ¹² Казакевич А.Н. Новые документы по истории монументальной пропаганды при Петре I // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры. – М., 1984. – С. 58
- ¹³ Цитировано по: Буганов В.И. Московские восстания... (повесть из Соловецкого собрания)
- ¹⁴ ПСРЛ. – Т. 31. – М.: Наука, 1968
- ¹⁵ Медведев С. Созерцание лет краткое 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Записки русских людей. – СПб., 1841. – С. 75
- ¹⁶ Кондратьев И.Н. Седая Старина Москвы. – М., 2002. – С. 183
- ¹⁷ Матвеев А.А. Описание. – С. 388
- ¹⁸ Крекшин П.Н. Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского // Записки русских людей. – СПб., 1841. – С. 39
- ¹⁹ Погодин П.М. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672 – 1689. – М., 1875. – С. 38-39
- ²⁰ Медведев С. Созерцание... – С. 40-41
- ²¹ Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М.: Наука, 1976. – С. 20-21
- ²² Погодин П.М. Указ. соч. – С. 39
- ²³ Станевич А.П. Московское восстание 1682 г. – неопубликованная диссертация. – С. 226, 232, 239
- ²⁴ Хьюз, Линси. Царевна Софья. – СПб.: Гранд, 2001. – С. 91
- ²⁵ Дневник зверского избиения... // Рождение империи. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 15
- ²⁶ Матвеев А.А. Описание. – С. 375
- ²⁷ Там же. – С. 374
- ²⁸ Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. – М., 1969. – С. 157
- ²⁹ Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М.: Наука, 1976. – С. 225
- ³⁰ История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые К.Тихонововым. – Т. 5. – М., 1863. – С. 111-121
- ³¹ Цитировано по Буганов В.И. Московские восстания...
- ³² ПСРЛ. – Т. 31. – М.: Наука, 1968. – С. 176, 179
- ³³ Мазуринский летописец // ПСРЛ. – Т. 31. – М.: Наука, 1968. – С. 176
- ³⁴ Кантор А.М. Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII века: Очерки. – М.: РГГУ, 1999. – С. 80
- ³⁵ Тихомиров М.Н. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. – Исторический архив, т. II. – М.-Л., 1939. – С. 99
- ³⁶ Буганов В.И. Московские восстания. – С. 85
- ³⁷ Записки Сильвестра Медведева // Записки русских людей. – СПб., 1841. – С. 15-16
- ³⁸ Медведев С. Созерцание. – С. 93; Матвеев А. Записки. – С. 43
- ³⁹ Дневник Михаила Обуховича, стражника великого княжества Литовского, писанный в плену в Москве в 1660 году // Иностранцы о Древней Москве (Москва XV – XVII вв.). – М.: Столица, 1991
- ⁴⁰ Якоб Рейтенфельс, Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии // Иностранцы о Древней Москве (Москва XV-XVII вв.). – Сост. М.М.Сухман. – М.: Столица, 1991. – С. 353
- ⁴¹ Адам Олеарий, Описание путешествия в Московию. – М.: Российские семена, 1996. – С. 72
- ⁴² Бернгард Леопольд Франциск Таннер, Посольство польско-литовское в Московию 1678 г. // Иностранцы о Древней Москве. – С. 391
- ⁴³ «Слово и дело государево» - термин «дело» в данном контексте означает государев суд, по причине этого вся эта фраза была выбрана в качестве заглавия. Эту фразу, как мы помним, произнес брат Степана Разина Фрол, подделавший

избегнуть смертной казни, выдав некую государственную тайну («слово и дело государево»). [Советская историческая энциклопедия. – в 16 т. – М.: ГНИ «Советская энциклопедия», 1963]

⁴⁴ Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1994. – С. 62-63

⁴⁵ Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Записки русских людей. – СПб., 1841. – С. 51

⁴⁶ Кашин Н.И. Цитировано по: Лаврентьев А.В. Люди и вещи... – С. 191

⁴⁷ Лаврентьев А.В. Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI – XVIII вв., их владельцы и создатели. – М.: Археографический центр, 1997. – С. 188

⁴⁸ Корб, Иоганн. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. – С. 184

⁴⁹ Матвеев А.А. Описание. – С. 412

⁵⁰ Корб, Иоганн. Дневник. – С. 208